

ИЗ СЕРДЦА

В ВОСПОМИНАНИЯХ о Толстом Иван Алексеевич Бунин приводит поразительные слова Льва Николаевича о пении: «Можно петь двояко: горлом или грудью. Горловой голос гораздо гибче грудного, но зато он не действует на душу... Если я даже в самой пустой мелодии услышу ноту, взятую полной грудью, у меня слезы невольно навертываются на глаза. То же самое и в литературе: можно писать из головы и из сердца... Я всегда останавливал себя, когда начинал писать из головы, и старался писать только из сердца...».

Однажды, на концерте Людмилы Зыкиной, я вспомнила толстовские слова. И, когда вдруг возникло это определение в параллели с литературой — «из сердца», — оно все собою осветило. Зыкина начинала с песни, ставшей в ее исполнении шедевром, сплавившим личное и общее, свое и наше, чью-то конкретную жизнь и всю эпоху — «Течет Волга». Как вечное море, дышала в этой песне синяя река, плавно текла среди спелых хлебов и снегов, стояла в заводях почти недвижно и вдруг ударяла высокою волной: грудной голос, звучавший вначале тихо, будто беседовавший с тобою о тебе, внезапно усиливался, как бы покрывая водную гладь, но обертона были столь же искренни и свободны, как пение вполголоса.

Когда поет Людмила Зыкина, мне всегда кажется, что так, вот именно так где-то внутри себя, неслышно для других поет каждый из нас. Удивительное чувство: оно посещает меня при встрече с истинной гармонией: виртуоз играет на скрипке или живописец сочетает те цвета, что возникли в твоём представлении, а он лишь таинственно узнал об этом и сумел их воплотить. Искусство никогда не оставляет тебя одиноким, его создания — твои, это ты сам. И когда в последних куплетах «Тонкой рябины» Зыкина спорит с горькой судьбою, почти кричит: «но нельзя рябине», — ты, кажется, тоже кричишь и пересиливаешь эту самую судьбу, и от этого на секунду тебя посещает иллюзия действия, борьбы, победы.

Когда-нибудь через много лет мы станем вспоминать, что было в искусстве в годы нашей молодости. И почти каждый из тех, кто слышал Людмилу Зыкину, скажет: «Ну, как же, ведь именно тогда появился этот феномен — народная левица с органичным голосом, она

пела, как все и как никто, она умела быть богатырски сильной и женственно слабой, простой и величественной».

Пение Зыкиной трудно определить. Это синтез утонченности оперных и камерных певцов с легендарной стихийностью сказительницы, симбиоз маршевой жизнерадостности и глубинной печали, монументализма, который может, кажется, осуществить лишь целый хор, с эскизностью и легким касанием, которые дарит голос, звучащий за стеною или за окном в темных засыпающих улицах. Думая о Зыкиной, я поняла, что легко классифицировать только средних артистов, — их средние достижения. В колыбельной, которую дочь поет своей матери («Оренбургский пуховый платок») звучат вместе эпика и лирика, нравственный канон и нежность, обращение к близкому, находящемуся рядом человеку и воспоминание о нем, как будто уже ушедшем. Нескончаемое пиано, начатое первой нотой и истывающее на последней, взмывавшее болью потери и сладостью, покоем встречи с матерью. Какое это пение? Как его назвать? Не берусь и говорить.

Зыкина может петь все. Иногда мне кажется, что это ее я слыхала в «Ave Maria», что она была и Рогнедой, и Катюшей из песни Исаковского, что «Вставай, страна огромная» в моем детстве (и, следовательно, в ее детстве) пела она, и что если кто-нибудь напишет музыку на стихи Пушкина «Мне не спится, нет огня» — это будет лучше всего для ее голоса. Когда она поет «Я пойду ли молоденька», мне видится пластовская деревня Прислониха под Ульяновском, цветы во лугах, ранний летний вечер, который никогда не кончится, степь, начинающаяся за холмами и убегающая из-под конских копыт... Не это ли было последним видением, промелькнувшим перед погибшим парламентаром («На семи ветрах»), не эту ли нежную Родину нашу видит перед собою и сама Людмила Георгиевна, когда поет «Ты все смогла, моя Россия»?

«Из сердца», — говорил Толстой. Была ли то лишь открытость гения или его требование к искусству? Скорее всего — второе. Ибо сегодня мы не представляем искусства иным и можем полюбить только вот такое героическое богатое сердце, отданное нам и как бы соединяющее наши души, когда поет Людмила Зыкина.

Александра ПИСТУНОВА

Этот снимок был сделан нашим фотокорреспондентом В. Шаговым 5 марта на концерте народной артистки РСФСР Людмилы Георгиевны Зыкиной в редакции еженедельника «Литературная Россия», где были исполнены фрагменты концертных программ «Песни советских композиторов», «Тебе, женщина!», «Старинные русские народные песни», представленных на соискание Ленинской премии 1970 года.

Редакция «Литературной России» горячо благодарит замечательную певицу, ее аккомпаниаторов-баянистов заслуженного артиста РСФСР Анатолия Шалаева и Анатолия Крылова за этот концерт и присоединяется к миллионам почитателей искусства Людмилы Зыкиной, приветствующих выдвижение ее на соискания Ленинской премии.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
Г. МОСКВА
3 МАР. 1970